

ПРИМЕНЕНИЕ КАБАРДИНСКИМ ВРЕМЕННЫМ СУДОМ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА В РАМКАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТРАДИЦИОННУЮ СИСТЕМУ КАБАРДИНЦЕВ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Иванов Георгий Дмитриевич, аспирант, Научно-образовательный центр, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия); <https://orcid.org/0009-0005-0423-2444>; george.ivanov.1998@mail.ru

Цель исследования – анализ применения института поручительства Кабардинским временным судом и его влияния на трансформацию традиционной системы кабардинцев во второй четверти XIX в. Исследование поручительства позволит проанализировать аспекты применения данного института на региональном уровне, а также разобрать трансформацию системы исполнения наказаний с выделением роли регулятивных институтов. Это расширит представления об исполнительном производстве в регионе во второй четверти XIX в. Методология исследования включает историко-системный, проблемно-хронологический методы и институциональный подход. Поручительство функционировало в деятельности Кабардинского временного суда, заключалось в отборе подписок с поручителей с набором обязательств в отношении действий обвиняемого и применялось в трех аспектах. Как мера пресечения поручительство являлось дополнительным нововведением к лишению свободы и включало обязательство поручителей в предоставлении обвиняемого для дальнейших следственных и судебных действий и обеспечении его благонадежного поведения. Как средство борьбы с абречеством поручительство также было преобразованием в части криминализации данного явления и включало обязательство в обеспечении законопослушного поведения обвиняемого, отсутствия связей обвиняемого с абреками, недопущения его побега и членов его семьи. Поручительство в уплате штрафа и взыскания было результатом трансформации элементов обычного права под исполнительное производство российских региональных судебных учреждений. Это выражалось в переходе применения поручительства к данным учреждениям, в индивидуализации поручителей и в возможности применять поручительство в отношении воров и должников, содержащихся в заключении. Несмотря на разделение аспектов применения поручительства, обязательства, выделенные в них, могли сочетаться, а поручительство в благонадежном поведении имело универсальный характер. Основным наказанием за нарушение поручительства являлось взыскание или штраф. Если поручительство предполагало материальное взыскание, то в случае смерти обвиняемого или поручителя выполнение обязательств могло полностью переходить к одному из них.

Ключевые слова: поручительство, гауптвахта, абречество, Кабардинский временный суд, Центр Кавказской линии, исполнительное производство.

Для цитирования: Иванов Г.Д. Применение Кабардинским временным судом поручительства в рамках исполнительного производства и его влияние на традиционную систему кабардинцев во второй четверти XIX в. // KAVKAZ-FORUM. 2025. Вып. 21(28). С.78-90. DOI: 10.46698/VNC.2025.28.21.003

Введение

В первой половине XIX в. Кабарда находилась в процессе интеграции в правовое пространство Российской империи. Создание в 1822 г. Кабардинского временного суда (далее – КВС) как учреждения нового типа с элементами народного правосудия стало одним из механизмов данного процесса. В сложившихся условиях началась трансформация традиционных институтов общественной саморегуляции кабардинцев [1], в том числе преобразование системы исполнения наказаний. Частью данных преобразований стало применение института поручительства имперскими органами судебно-административного контроля в исполнительном производстве.

Вопросы поручительства и его применения затрагивались в работах А.Ф. Кистяковского [2], И.Д. Гайнова [3], Е.С. Зиновьевой [4] и др. Проблема применения данного института в регионе частично изучалась в работах Ф.И. Леонтовича [5], А.Х. Абазова [6] и Р.С. Гардановой [7].

Исследование поручительства дает возможность: 1) проанализировать аспекты применения данного института на региональном уровне; 2) детальнее разобрать трансформацию системы исполнения наказаний на региональном уровне вплоть до выделения роли определенных регулятивных институтов. Подобное изучение рассматриваемого вопроса позволит углубить представление об исполнительном производстве на территории региона во второй половине XIX в.

Источниковая база исследования выстраивалась с опорой на материалы, извлеченные из фондов Управления Центрального Государственного архива Архивной службы КБР. Также были извлечены материалы из архивного сборника В.К. Гарданова [8], сборника архивных документов «Из истории Кабардинского временного суда 1822-1858 г.» [9].

Основная часть

На территории Кабарды поручительство производилось в рамках деятельности региональных судебно-административных органов Российской империи, а конкретнее КВС, в рамках предписаний начальника Центра Кавказской линии (далее – начальник Центра). Поручители давали свои подписки в обеспечении обязательств, связанных с действиями и поведением обвиняемого как КВС [10, 155-155 об.], так и экзекутору [11, 8], основному исполнителю решений административно-судебного характера, исходящих от КВС и начальника Центра. В функции экзекутора также входил поиск поручите-

лей, что доказывает предписание начальника Кабарды экзекутору майору Анзорову №1392 от 14 декабря 1857 г., где ему наказывалось поспешить «приискать» поручителя кабардинскому узденю X-ву, содержащемуся под арестом на гауптвахте [12, 19].

Если говорить об условном формуляре подписки, то, как правило, они начинались с датировки (год, месяц, число), а далее указывалось, что «нижеподписавшиеся» поручители или поручитель давали подписку с указанием органа или должностного лица, кому они давали подписку (КВС или экзекутор), затем излагался предмет поручительства. В конце указывались данные поручителей, а в случае их неграмотности они прилагали чернильные знаки или печати [13, 93], или за них расписывались иные лица по их просьбе. Подобное наблюдалось в подписке поручителей за холопа Бекира Шанукова жителей аула Шарданова – Хажи Карданова и Жембека Шанукова от 5 июня 1845 г., где за поручителей, ввиду их неграмотности, расписался нахичеванский мещанин Мосей Томанцов [8, 138].

Можно констатировать, что во второй четверти XIX в. в Кабарде институт поручительства применялся российскими судебно-административными учреждениями и заключался в отборе формализованных подписок, содержащих набор обязательств в отношении действий и поведения обвиняемого, которые должен обеспечить поручитель.

В связи с широким использованием поручительства со стороны КВС мы рассмотрим применение данного института в части исполнительного производства в трех аспектах: 1) как меры пресечения; 2) как средства противодействия абречеству; 3) как обязательства в уплате штрафа или взыскания.

Отдача на поруки как мера пресечения была связана с содержанием под стражей. Согласно А.Х. Абазову, кабардинское обычное право не знало меры наказания как лишение свободы до введения ее российскими властями [6, 126]. В Кабарде основным местом содержания под стражей являлась гауптвахта, выполнявшая роль как предварительного места заключения [14, 11], так и основного места наказания [15, 67-68]. В отличие от российских гауптвахт, где содержались военные, в местных учреждениях содержался разный в социальном плане состав арестантов.

Отдача на поруки при освобождении с гауптвахты включала в себя набор обязательств для поручителей. Это обязательство о предоставлении поручителем обвиняемого для дальнейших следствен-

ных и судебных действий или об обеспечении данных действий в отношении него. Например, согласно отношению следователя есаула Коконова №464 в КВС от 10 декабря 1847 г., следователь просил выслать к нему для спроса и очных ставок холопа А-хова, который был освобожден из-под караула и отдан на поруки подпоручику князю Казиеву [16, 10-10 об.]. В еще одном отношении следователя есаула Коконова в КВС №379 от 24 сентября 1847 г. уздень Эльбуздуко Жамбиев был освобожден под поручительство и по просьбе князя Алхаса Мисостова и народного эфендия Шогенова для разбирательства шариатом его преступлений. Следователь хотел узнать, исполнено ли поручителями обязательство в части проведения ими шариатского разбирательства [17, 2-3].

Следующим обязательством при отдаче на поруки являлось обязательство в благонадежном поведении обвиняемого. Согласно подписке от 24 мая 1842 г., уздень А-в брал на поручительство своего холопа Ш-ва по освобождении его с гауптвахты и ручался, что после этого наказания он будет жить в спокойствии [13, 93].

Как уже было обозначено, заключение на гауптвахте как наказание, связанное с лишением свободы, являлось нововведением в Кабарде. И в отношении данного наказания поручительство при освобождении из заключения играло роль дополнительного преобразования. Поручительство здесь предусматривало обязательство в благонадежном поведении обвиняемого и предоставлении его для дальнейших следственных и судебных действий.

Поручительство использовалось в целях противодействия абречеству. Абречество являлось традиционным институтом кабардинцев, который был криминализирован российскими властями и воспринимался с точки зрения российских законов как преступление. Самовольно переселившиеся за Кубань или в Чечню жители Кабарды обозначались в документах как «абреки» и подвергались уголовному преследованию, связи с абреками были также наказуемы. Согласно «Наставлению Временному суду, учреждаемому в Кабарде для разбора дел между кабардинцами, впредь до издания особенных правил», дополняющему прокламацию главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом генерала от инфантерии А.П. Ермолова от 29 августа 1822 г., побег за пределы Линии «со злым умыслом, подвод хищников к злодействам и сношение с ними, а также нападения на границы линии» являлись преступлениями и подлежали разбирательству по нормам военного законодательства Российской империи [5, 266].

Согласно Р.С. Кардановой, институт поручительства активно использовался в отношении вернувшихся абреков, склонных к «злонамеренным поступкам». После принятия российского подданства данных субъектов отдавали на поручительство представителям привилегированных сословий или авторитетным местным жителям. Им вменялось в обязанность следить за их поведением. В случае побега поручители отвечали по законам. Автор приводит в пример дело КВС, в рамках которого кабардинец Мазан Березгов по возвращении из Чечни был отдан на поруки узденю Али-Мирзе Хостову. По истечении определенного времени Березгов снова сбежал. В связи с этим суду вменялось взыскать с Хостова штраф [7, 133-134].

Поручители могли ручаться за выполнение и более широкого спектра обязательств со стороны обвиняемых в абречестве. В предписании начальника Центра КВС №1814 от 11 декабря 1846 г. по просьбе кабардинских князей – полковника Мисоста Атажукина и корнета Джамбота Атажукина, а также народного эфендия Шогенова начальник Центра согласился отдать на поручительство узденя Эльмурзу Докшукина, содержащегося на гауптвахте. Ему вменялось сношение с немирными частями, непозволительные отлучки, вредные действия при вторжении Шамиля в Кабарду, отдача сына в Чечню и дурное поведение. Поручители должны дать подписку, что он в течение двух месяцев возвратит сына из Чечни, не отправляясь сам туда, переселится в нужный аул, будет вести себя честно, не иметь связей с непокорными и абреками, будет являться в крепость и куда приказано. Если поручители давали такую расписку, то Эльмурза Докшукин освобождался от содержания на гауптвахте [18, 1-2 об.]. В рамках данного документа видно, что широкий спектр обязательств охватывал как стандартное обязательство, такое как отсутствие связей с абреками, так и обязательства, непосредственно связанные с обвиняемым.

КВС мог применять поручительство в отношении членов семей бежавших абреков. Согласно предписанию начальника Центра в КВС №1014 от 8 июня 1851 г., закубанский уздень К-в во время своего пребывания в Кабарде оставил своего сына у Д-ва, а сам во время смут за Кубанью бежал к непокорным. Суду предлагалось поручить сына К-ва под надзор надежным людям из здешних узденей, которые в случае его побега отвечали штрафом в 1500 руб. сер. в рамках поручительства [19, 192-192 об.]. Также на получение такого поручительства уполномочивали экзекутора. В предписании КВС прапорщику Ан-

зорову №469 от 25 июля 1853 г. экзекутору предлагалось арестовать семейство прапорщика О-ва, отправившегося за Кубань к непокорным горцам, и в случае, если его семейство не имело за себя поручительства, то представить его в Нальчик [20, 93-93 об.]. Далее, согласно надписи прапорщика Анзорова №170 от 28 июля 1853 г., экзекутор взял поручительство за данное семейство от узденя Д-ва в том, что, если данное семейство будет кем-либо увлечено к непокорным, то он поручался выставить 1500 руб. сер. [20, 94]. В данном случае основным обязательством со стороны поручителя являлось недопущение побега членов семей абреков к непокорным.

Поручительство в отношении обвиняемых в преступлениях, связанных с абречеством, также является нововведением в силу криминализации данного традиционного института. Поручители ручались за поведение обвиняемого, отсутствие связей обвиняемого с абреками и недопущение его побега и членов его семьи.

Теперь рассмотрим применение поручительства как средства обеспечения уплаты штрафов и взысканий. Здесь можно утверждать, что данный аспект применения поручительства имел аналог в кабардинском обычном праве. Согласно Ф.И. Леонтовичу, по черкесским обрядам штрафы по преступлениям уплачивались не одним виновным, но и его родом, и выплачивались целиком или по частям – князьям, роду и семье обиженного, а в случае обиды, нанесенной подвластному, платили его владельцу [5, 398]. В результате ограничения власти кабардинских князей во второй четверти XIX в. со стороны российских властей взыскание и штрафование проводились КВС, а также экзекутором [21, 5 об.].

Рассмотрим следующие ситуации применения поручительства в данном аспекте. Согласно рапорту КВС начальнику Центра №9 от 20 января 1848 г., народный эфендий Шогенов взял на поруки своего племянника и обязывался удовлетворить казака Лисичкина за украденных лошадей [22, 3 об.].

Поручительство в уплате штрафа или взыскания могло осуществляться как условие освобождения с гауптвахты, что могло происходить в случае, если лицо обвинялось в воровстве или являлось должником. В прошении узденя Мамбета Килева от 10 октября 1853 г. сын Килева и его товарищ по подозрению в отнятии двух лошадей были арестованы и содержались в нальчикском укреплении. Во избежание взыскания с них за это преступление Килев просил освободить их под его поручительство, вместе с тем он обязывался заплатить за две

отбитые лошади [23, 2]. Здесь основным условием освобождения из-под ареста являлась выплата штрафа поручителем. Обязательства, присущие поручительству как мере пресечения, в данном случае отсутствуют.

Из приведенных примеров видно, что, несмотря на индивидуализацию поручителей, в их роли все еще могли выступать родственники обвиняемых, хотя это уже не являлось обязательным. Например, в прошении начальнику Центра от 20 марта 1842 г. говорится, что Ибрагим Кумалов, житель аула князя Тамбиева, был заключен на гауптвахту по просьбе просителя в связи с долгом ему в 521 руб. В уплате долга поручился князь Наурузов, а Кумалов был освобожден [13, 8-8 об.].

Поручительство в данном аспекте являлось результатом интеграции и адаптации элементов обычного права в исполнительное производство российских региональных судебно-административных учреждений, что выражается: 1) в переходе контроля над процессом взыскания и поручительства к данным учреждениям; 2) в индивидуализации поручителей при сохранении возможности родственникам брать это обязательство; 3) в возможности применять поручительство в уплате взысканий в отношении воров и должников, содержащихся в местах заключения.

Разделение на аспекты применения поручительства является условным. Это можно увидеть в предписании исполняющего должность начальника Центра в КВС №1991 от 19 ноября 1848 г., где суду предлагалось при штрафовании виновных в воровстве или других преступлениях брать на них поруку от добросовестных людей. Они должны были ручаться за их поведение на будущее время. В случае вторичного обвинения взыскивалось уже с поручителей [9, 101]. В документе видно, что поручителей предлагалось обязать не в обеспечении уплаты штрафа, а в обеспечении благонадежного поведения обвиняемого.

Обратим внимание на поручительные подписки. Согласно подписке от 10 декабря 1851 г., Тагир Битов и Жантемир Штимов ручались КВС за поведение кабардинца Гафара Битова, посаженного на гауптвахту за намерение бежать к непокорным, в том, что: 1) побега он больше не совершит, в противном случае они отвечали штрафом 500 руб. сер.; 2) они доставят Битова для разбирательства за убитую им у узденя Албаксида Хапачева лошадь [24, 172]. Еще одним примером сочетания обязательств является подписка от 12 февраля 1842 г., где

уздени Т-ов и К-ов давали поручительство за содержащегося на гауптвахте вольного кабардинца К-ева: 1) они отвечали в случае совершения им противозаконных поступков; 2) в случае подозрения К-ева в краже лошадей и появления хозяина этих лошадей, они их возвращали [10, 155-155 об.]. Документы свидетельствуют, что упомянутые нами в данной работе обязательства могли сочетаться в рамках одной подписки. Также представленные материалы дают основания утверждать, что поручительство в благонадежном поведении имело универсальный характер.

Условность разделения применения поручительства подтверждают наказания, которым подвергались поручители в случае нарушения обязательств. Анализ документов показал, что основным наказанием являлось взыскание или штраф. Также представляется уместным затронуть вопрос о наказании в случае исключения из тандема поручитель-обвиняемый одного из субъектов по причине смерти одного из них.

В качестве примера можно привести предписание начальника Центра в КВС №11 от 11 января 1842 г. После смерти узденя Исупа Шетова было предписано, что за его преступления, а именно за воровство ценных вещей и 21 лошади на сумму 1720 руб. ассиг., взыскать из имения подсудимого, а в случае недобора суммы – с поручителей, которыми являлись прапорщик князь Иналов и брат подсудимого мулла Магомет Шетов. Они обязались отвечать за доброе поведение подсудимого и дали ему возможность бежать к непокорным [25, 5-6]. Если вернуться к упоминаемому прошению к начальнику Центра от 20 марта 1842 г., то после того, как Ибрагим Кумалов был освобожден с гауптвахты, в уплате его долга просителю поручился князь Наурузов. После смерти Наурузова проситель остался неудовлетворенным, ходатайствовал о взыскании денег с Кумалова, а если он несостоятелен, о назначении его в работники просителю [13, 8-8 об.]. Данные примеры показывают, что в случае смерти обвиняемого или поручителя, выполнение обязательств, предполагавших материальные взыскания, могло сохраняться с переходом полного исполнения на поручителя или обвиняемого.

Заключение

Таким образом, во второй четверти XIX в. институт поручительства заключался в отборе КВС с поручителей формализованных подписок, содержавших набор обязательств в отношении действий и поведения обвиняемого, которые должен обеспечивать поручитель.

Анализ использования института поручительства в рамках исполнительного производства позволил выделить три аспекта его применения. Поручительство в качестве меры пресечения при освобождении обвиняемого из заключения представляло собой дополнительное нововведение к наказанию в виде лишения свободы и включало обязательство поручителей в обеспечении благонадежного поведения обвиняемого и предоставлении его для дальнейших следственных и судебных действий. Поручительство как средство борьбы с абречеством выступало одним из преобразований в части криминализации данного традиционного института кабардинцев и включало обязательство со стороны поручителей в обеспечении законопослушного поведения обвиняемого, отсутствия связей с абреками, недопущения его побега и членов его семьи. Поручительство в уплате штрафа и взыскания представляло собой результат трансформации обычного права под исполнительное производство региональных судебно-административных учреждений. Это выражалось в переходе права взыскания и применения поручительства к данным учреждениям, в индивидуализации поручителей с сохранением возможности родственников обвиняемого брать это обязательство, а также в допустимости применять поручительство в уплате взысканий в отношении воров и должников, содержащихся в местах заключения. Несмотря на условное разделение аспектов применения поручительства, выделенные в них обязательства сочетались в рамках одной подписки, а поручительство в благонадежном поведении имело универсальный характер. Основным наказанием за нарушение поручительства являлось взыскание или штраф. Если поручительство предполагало материальное взыскание, то в случае смерти обвиняемого или поручителя выполнение обязательств могло полностью переходить к одному из них.

1. *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов / сост. А.Х. Абазов. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. 899 с.

2. *Кистяковский А.Ф.* О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб.: Судебный вестник, 1868. 194 с.

3. *Гайнов И.Д.* История становления и развития мер уголовно-процессуального принуждения в России (XIII-XIX века) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4 (10). С. 107-112.

4. *Зиновьева Е.С.* Эволюция института поручительства в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве XIX века // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4 (52). С. 128-133. DOI: 10.36511/2078-5356-2020-4-128-133

5. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Одесса: тип. П.А. Зеленого, 1882. 448 с.

6. *Абазов А.Х.* Трансформация системы композиций кабардинцев в конце XVIII – первой половине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 196 с.

7. *Карданова Р.С.* Институт абречества у кабардинцев в XVIII – первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2010. 180 с.

8. *Гарданов В.К.* Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. 427 с.

9. Из истории Кабардинского временного суда 1822–1858 гг. Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. 225 с.

10. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 2. Т. 2.

11. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 160.

12. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 269.

13. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 2. Т. 3.

14. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 261.

15. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 274.

16. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 101.

17. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 108.

18. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 51.

19. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 159. Т. 2.

20. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 211.

21. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 111.

22. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 130.

23. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 222.

24. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 159. Т. 1.

25. УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 87.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025,
принята к публикации 28.02.2025,
опубликована 31.03.2025

Ivanov, Georgy D. – graduate student, The Scientific and Educational Center, Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Nalchik, Russia); <https://orcid.org/0009-0005-0423-2444>; george.ivanov.1998@mail.ru

THE KABARDIAN PROVISIONAL COURT'S USE OF SURETIES IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS AND ITS IMPACT ON THE TRADITIONAL KABARDIAN SYSTEM IN THE SECOND QUARTER OF THE XIXth CENTURY.

Keywords: surety, guardhouse, abrechestvo, Kabardian Provisional Court, Center of the Caucasian line, enforcement proceedings.

The purpose of the study is to analyze the application of the institution of surety by the Kabardian Provisional Court and its impact on the transformation of the traditional Kabardian system in the second quarter of the XIX century. The study of sureties will make it possible to analyze the aspects of the application of this institution at the regional level, as well as to analyze the transformation of the penal enforcement system, highlighting the role of regulatory institutions. This will expand the understanding of enforcement proceedings in the region in the second quarter of the XIX century. The research methodology includes historical-systemic, problem-chronological methods and an institutional approach. Surety was used in the activities of the Kabardian Provisional Court and consisted in selecting signatures from guarantors with a set of obligations regarding the actions of the accused and was applied in three aspects. As a preventive measure, surety was an additional innovation to imprisonment, and included the obligation of the guarantors to provide the accused for further investigative and judicial actions and to ensure his trustworthy behavior. As a means of combating with abrechestvo, surety was also a transformation in terms of criminalizing this phenomenon, and included an obligation to ensure the law-abiding behavior of the accused, the absence of links between the accused and the abreks, and the prevention of his escape and his family members. The surety for the payment of fines and penalties was the result of the transformation of elements of customary law under the enforcement proceedings of Russian regional judicial institutions. This was reflected in the transfer of the application of sureties to these institutions, in the individualization of guarantors, and in the possibility of applying sureties to thieves and debtors in custody. Despite the separation of the aspects of the application of sureties, the obligations identified in them could be combined, and sureties in trustworthy behavior were universal. The main punishment for violating the guarantee was a penalty or fine. If the surety implied a financial penalty, then in the event of the death of the accused or the surety, the fulfillment of obligations could completely pass to one of them.

For citation: Ivanov, G.D. The Kabardian provisional court's use of sureties in enforcement proceedings and its impact on the traditional Kabardian system in the second quarter of the XIXth century. KAVKAZ-FORUM. 2025, iss. 21(28), pp.78-90. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.28.21.003

REFERENCES

1. Kazharov, V.Kh. *Izbrannyye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected works on the history and ethnography of the Adygs]. Nalchik, OOO «Pechatnyi dvor», 2014. 899 p.
2. Kistyakovskii, A.F. *O presechenii obvinyaemomu sposobov uklonyat'sya ot sledstviya i suda* [On the suppression of the accused's ways of evading investigation and trial]. St. Petersburg, Sudebnyi vestnik, 1868. 194 p.
3. Gainov, I.D. *Istoriya stanovleniya i razvitiya mer ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya v Rossii (XIII-XIX veka)* [The history of the formation and development of measures of criminal procedural coercion in Russia (XIII-XIX centuries)]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik of the Kazan law Institute of MIA of Russia]. 2012, no. 4 (10), pp. 107-112.
4. Zinov'eva, E.S. *Evolutsiya instituta poruchitel'stva v otechestvennom ugolovno-protsessual'nom zakonodatel'stve XIX veka* [The evolution of the institution of surety in Russian criminal procedure legislation of the 19th century]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2020, no. 4 (52), pp. 128-133. DOI: 10.36511/2078-5356-2020-4-128-133
5. Leontovich, F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [The adats of the Caucasian mountaineers. Materials on the customary law of the North and East Caucasus]. Iss. 1. Odessa, tipografiya P.A. Zelenogo, 1882. 448 p.
6. Abazov, A.Kh. *Transformatsiya sistemy kompozitsii kabardintsev v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Transformation of the Kabardian composition system in the late 18th – first half of the 19th century]. The candidate dissertation (in History). Moscow, 2008. 196 p.
7. Kardanova, R.S. *Institut abrechestva u kabardintsev v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The institute of priesthood among Kabardians in the XVIII – the first half of the XIX century]. The candidate dissertation (in History). Nalchik, 2010. 180 p.
8. Gardanov, V.K. *Materialy po obychnomu pravu kabardintsev. Pervaya polovina XIX v.* [Materials on the customary law of the Kabardians. First half of the 19th century]. Nalchik, Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. 426 p.
9. *Iz istorii Kabardinskogo vremennogo suda 1822-1858 gg.* [From the history of the Kabardian Provisional Court of 1822-1858]. Pyatigorsk, RIA-KMV, 2008. 225 p.

10. *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki (UTsGA AS KBR)* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (OCSA AS KBR)]. Fund. I-23. Inventory 1. Case 2. Vol. 2.

11. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 160.

12. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 269.

13. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 2. Vol. 3.

14. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 261.

15. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 274.

16. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 101.

17. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 108.

18. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 51.

19. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 159.

Vol. 2.

20. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 211.

21. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 111.

22. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 130.

23. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 222.

24. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 159.

Vol. 1.

25. *UTsGA AS KBR* [OCSA AS KBR]. Fund I-23. Inventory 1. Case 87.

The article was submitted 19.02.2025,
accepted for publication on 28.02.2025,
published 31.03.2025